

УДК 82.09:303.725.22

КОНЦЕПТ «ОАЗИС»

В «ПУТЕШЕСТВИИ ПО ВСЕМУ КРЫМУ И БЕССАРАБИИ В 1799 ГОДУ»

П. И. СУМАРОКОВА

Галушко А. Д.

Институт филологии

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация*

E-mail: alenagalushko@rambler.ru

Предпринятый в статье анализ книги «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова позволяет наблюдать обогащение просветительской философии автора под влиянием реальных фактов стремительного преобразования Юга страны в конце XVIII века. На некогда пустынных землях появляются «новоосвоенные» Г. А. Потемкиным города; недавно приобретенные Россией (по Ясскому договору 1791 г.) пространства, облагоустроенные трудом, представляются путешественнику неким «оазисом». С другой стороны, в Крыму П. И. Сумарокову встречаются «сотворенные самою природой» «оазисы», где природа «по-матерински» представляет труженику свои богатства, обещая «в сем Эдемском краю» «успождения жизни»; здесь человек, «огражденный от света, им оставленного, неприступными горами», обретает «следы золотого века», «бесперывные удовольствия» «природной» жизни. Т. о., философия Просвещения в тексте Сумарокова обогащается новыми реалиями промышленного созидания; выстраивается подтвержденная личными наблюдениями парадигма разумного сосуществования природы и человека, природы и «логической упорядоченности» потребностей государства, природы и научного прогресса.

Ключевые слова: П. И. Сумароков, «оазис», сентиментализм, Просвещение, Крым, Г. А. Потемкин, Николаев, Херсон, Перекоп.

ВВЕДЕНИЕ

Первое упоминание об «оазисе» восходит к началу II тысячелетия до нашей эры, когда, по египетским преданиям, «Орфей посетил долину Нила и город Оазис <...>», где был посвящён в «тайнах богов египетскими жрецами» и даровал Элладу «учение о богах, жертвоприношениях и благочестии» [15, с. 44]. В современном понимании «оазис» – «место в пустыне или полупустыне, где есть растительность и вода» [16, с. 34]. Оазис являлся не только местом возникновения поселений, но и необходимым пристанищем для странствующих. С развитием языка коннотативные возможности слова расширились: об «оазисе» говорится как о чём-то «отрадном, выделяющемся на общем мрачном фоне» [16, с. 34], «исключительном, непохожем на окружающее, преимущ. о лучшем среди худшего» [18]; в художественном тексте оазис иногда означает «пространство» (а точнее – условие) психологического комфорта, радости, удовлетворения – как, например, в стихотворении К. Бальмонта «Оазис («Ты была как оазис в пустыне...»)».

Очевидно, что переносные значения слова «оазис» генерировались художественной литературой, и главным образом – жанром пасторали. В специфическом хронотопе, присущем этому жанру [1, с. 10], художественный центр – локус, гармонирующий с природой и позволяющий наслаждаться простыми

человеческими радостями, – это «пасторальный оазис» [13, с. 214–215], противопоставленный окружающему миру и защищенный от него. В шекспировском понимании, это аналог райского сада, «где первые люди жили в блаженном неведении греха, не зная зла и не ощущая бега времени» [4]. Пасторальные мотивы, приобретя особую популярность в эпоху Возрождения, формировали специфическое мировидение [14], особую систему ценностных ориентиров, которые переосмыслились в контексте позднейших литературных эпох.

Закономерно, что константы пасторального мышления получили новую жизнь в литературе сентиментализма, нацелившейся на поиск гармоничного сосуществования личности и окружающего мира. В этом контексте художественная категория «пасторального оазиса» начала приобретать новое звучание и искать свое место в картине мира, сформированной эпохой Просвещения. Особенно четко, на наш взгляд, это проявилось в путевой литературе, где восприятие и описание нового пространства часто происходит в контрастных авторских оценках, и легко предположить появление в тексте дополнительных (индивидуальных) коннотативных вариантов понятия «оазис». **Цель** статьи – выявить авторские стилистические приемы в путевой прозе П. И. Сумарокова при описании южных районов России с их природными особенностями и рукотворными хозяйственными достижениями, способствующими не только развитию отраслей промышленности, но преобразованию местностей в гармоничном сочетании потребностей государства и важности сохранения природных ландшафтов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Павел Иванович Сумароков (1767–1846), отправляясь в 1799 г. в странствие по еще недавно завоеванному в ходе русско-турецких войн «знаменитому полуострову», где «слава, парящая между двух морей не престаёт красить до пределов всей вселенной в золотую трубу свою мудрость, величество и кротость Российского престола» [17, с. 45], имел немногие представления о нем. К тому периоду наука и литература лишь начинали осваивать Тавриду. В распоряжении путешественника были научные описания Крыма, созданные К. И. Габлицем [3] и П. С. Палласом [12], первоначальная редакция описательной поэмы С. С. Боброва «Таврида», но это, пожалуй, и все, что могло служить Сумарокову источником точной и актуальной информации о полуострове. Отметим, что во всех упомянутых источниках основное внимание сосредоточено на природных богатствах Крыма, уникальных для Российской Империи. А потому ожидания путешественника должны были касаться именно этой сферы: разнообразных и необычных ландшафтов, экзотической растительности, субтропического климата и т. д. Одновременно, несмотря на существование пусть и редких текстов о Крыме, Сумароков должен был ощущать себя в определенной степени первопроходцем. Поясним, почему.

По мнению В. В. Орехова, «эпоха романтизма повела научный и литературный тексты о Крыме разными путями»: наука совершенствовала методологию поиска и анализа точных фактов, а литература сосредоточивалась на образном и философском осмыслении крымской истории и реальности [10, с. 202], что концептуально выразилось в известной пушкинской фразе «Мифологические предания счастливее

для меня воспоминаний исторических». Это наблюдение справедливо, но отметим, что литераторы, посещавшие Крым в более ранние эпохи, также должны были сознавать специфичность, «литературность» собственной задачи. Конечно, описательная поэма С. С. Боброва представляла собой, по существу, поэтизированное изложение сведений, собранных и опубликованных Габлицем и Палласом. Однако мы не должны игнорировать и того, что автор, во-первых, облек эти сведения в форму художественной образности, а во-вторых, придал своему тексту философское и историософское звучание. П. И. Сумароков также не мог ограничиваться лишь ролью туриста, пересказывающего факты, изложенные учеными путешественниками, или подтверждающего верность этих фактов. Очевидно, что у него была еще и чисто литературная задача, и задача эта программировалась общелитературными целями сентиментализма. Путешествие Сумарокова превращалось из привычного описания новых земель, в поиск «земли обетованной» для сентиментального лирического героя. Эта цель путешествия не декларируется, но легко просматривается. Как известно, впечатления, отраженные в тексте, «зависят не только от исторических реалий <...>, но и от психологического настроения путешественника» [11, с. 258]. И сентиментальный настрой лирического героя Сумарокова угадывается читателем с самого начала: он выстраивает маршруты «в намерении употребить праздные часы свои себе на пользу» [17, с. 4], и для этого готов переживать лишения и трудности путешествия; главное для него – «любопытство видеть», познание своего государства.

Путь до Крыма пролегал через бескрайние равнинные пространства, еще мало освоенные хозяйственной деятельностью. 15 мая начался путь от Елисаветграда (получившего свое название от воздвигнутой в 1754 году крепости святой Елисаветы, матери Иоанна Крестителя), до Николаева (названного в честь святителя Николая Мирликийского, покровителя моряков, когда русские войска в 1788 году одержали победу над турками при крепости Очаков), выдался трудным, подобным передвижению по пустыне: «Несносный жар продолжался весь день, а полуденный навстречу ветер горячим дуновением своим еще более <...> беспокоил» [17, с. 48]; «на всем оном расстоянии нет ни одного дерева», «зверей и птиц здесь весьма мало» [17, с. 48]. Однако настроение резко меняется с прибытием в «новосооруженный град», и «первый <...> взгляд на Николаев привел <...> в изумление»: «Да, поистине надобно быть на месте, чтобы иметь понятие о чудотворном преобразовании степи в течение трех лет в хороший город» [17, с. 49]. «Чудотворное преобразование степи» равноценно созданию оазиса – как выстроенной человеком гармонии цивилизованного проникновения в природу, как совершенствование ее, и при этом рост промышленности, необходимой человеку, происходит в сочетании со стремлением к красоте и совершенству.

Описание Николаева развенчивает миф о «потемкинских деревнях», так называемых «бутафорских поселениях», которые якобы строил Григорий Потемкин на пути Екатерины II из Петербурга в Крым в январе – июле 1787 г.» [2, с. 97; 9, с. 342–343]. Нет, «местоположение Николаева величественно и красиво»: «на высокой утесистой горе, при подошве коей сходятся навстречу две большие реки Буг и Ингул»; «Ингул, извиваясь удивительными излучинами, обтекает переднюю часть

города; Буг же, обошел его с правой стороны и сзади, и составив из Николаева полуостров, влечет горделиво стремительные струи свои в лиман» [17, с. 49]. Такое расположение продуманно, обусловлено стратегическим значением города, который становится местом дислоцирования штаба Черноморского флота, тыловой базой, значимым военно-промышленным комплексом. И выстраивался город по плану академика и профессора Императорской Академии художеств архитектора И. Е. Старова; «улицы в нем прямые без переулков, одинаковой ширины 15 сажен, и все сквозные, так что при начале каждой виден конец оной» [17, с. 49], как далеко виден горизонт степи. И правда, «за неокончением построек по плану, находятся в нем многие пустыри» [17, с. 49]. Но город уже «имеет до 800 домов, построенных из камня, и большею частью с колоннами» [17, с. 49], и город работает: «Адмиралтейство Николаевское есть верховное место над всеми портами Черного и Азовского морей; оно соорудило уже до сих пор три корабля, из которых последний был о 90 пушках» [17, с. 53]. Итак, П. И. Сумароков понимает «оазис» не как «благое место», которое, может, и не удастся найти в бесконечном море песка, а как «благой» результат единения природы и человеческого труда. Адмиралтейство в Николаеве хорошее тому подтверждение: «утесистая гора, пространство вод, река, покрытая судами, беспрестанное движение матросов, воздымающейся мачты, все сие представляет прекрасную картину» [17, с. 53], а «Буг влечет горделиво стремительные струи свои в лиман» [17, с. 49].

Продолжением «прекрасной картины» становится описание села Спасского (название дано согласно ордеру кн. Потемкина от 27 августа 1789 г. №1065 [5, с. 14]), «отстоящего» от Николаева «в верстах двух»: «Прекрасное это местечко находится на пологом берегу Буга, где ущелье, покрытое диким виноградом, белым шиповником и плодоносными деревьями, составляет первое гулянье всего города. Посреди сего овражка протекает чистый ручей, и прохладная тень делает убежище сие приятным. Мы прохаживались тут по изгибистым дорожкам, духовая музыка увеселяла нашу прогулку; виноградные ветви висели над головами нашими, а сильное от цветов и пахучих трав благоухание услаждало обоняние. В Спасском построен увеселительный Молдаванский дом и беседка; сделанные же здесь фонтаны снабжают весь город водою» [17, с. 54-55]. Заметим, что Сумароков использует стилистические формы романтической прозы, но это не выглядит избыточным, поскольку соседствуют с реалистическими, притом информационными деталями: «плодоносные деревья» (сад), «гулянье всего города», «духовая музыка», «увеселительный Молдаванский дом и беседка», «фонтаны» (вполне благоустроенный парк). И что важно: фонтаны не только для красоты – они «снабжают весь город водою» (сегодня они известны как Спасские источники). В описании Сумарокова не просто восхищение красотой; в его прагматичном описании присутствует, как видим, безусловное одобрение трудов по замыслу и созданию парка, который внушает обществу чувство надежности, уверенности, радости.

Культуролог М. Н. Соколов называет это явление «принципом рая» и считает, что наиболее согласующееся с таким принципом идеальности, красоты и, в то же время, «лучшим полем для наблюдений» в этом плане «являются сад и парк»: «Они погружают нас в свой <...> равным образом настоящий, осязаемый и в то же время

не совсем настоящий, примышленный-к-настоящему мир в максимальном масштабе и с максимальным обаянием» [16, с. 13]. Это ограниченное рукотворное пространство (сад, парк), дающее человеку если не полное счастье удовлетворения, то надежду на его достижение. Собственно, эти признаки по принципу и похожести восприятия характерны для оазиса в пустыне, который дарит человеку и животным спасение, обеспечивает караванные пути и развитие общества и, наконец, обретает особую силу незабываемой долгожданной красоты. «Именно садово-парковая среда, – продолжает М. Н. Соколов, – лучше всего помогает понять тот практический идеализм, пребывающий на полпути между идеей и реальностью», и тогда «деятельность автора и зрителя» очевидны, и «поэтому старинные описания остаются в данном случае самым ценным свидетельством» [16, с. 14] Исследователь подчеркивает, что «общеприемлемый для всех эпох принцип рая состоит, вероятно, в том, что он являет собою некий онтологический абсолюте, где все «добро зело», составляя нерушимое природно-человеческое единство» [16, с. 15].

«Оазис» Николаева продолжается стоящим «верст пять в сторону» [17, с. 57], селом Богоявленское, переименованным Г. А. Потемкиным, согласно ордеру от 27 августа 1789 года («№ 1065), по возведенной здесь в 1773 г. церкви Богоявления Господня. В селе, как рассказывает Сумароков, «находится дворец с превеликой галереей о двух светах, хороший английский сад с проведенным для воды каналами» [17, с. 57], потому место это «весьма приятно». А за пределами Богоявленского с английским садом – «открытая на 50 верст степь, где никакого селения не находится»: саранчи здесь «такое множество, что в иных местах вся дорога ею покрыта, и земли из-под оной не видно» [17, с. 57]. Как уже было сказано, в современных исследованиях сад, парк рассматривается как последовательная потребность человека создать искусственный оазис, подобие «рая», как «отпечаток воспоминания» счастливого былого, «противоположного» реальности – тому нравственному состоянию, в каком находится человек «между реальностью и идеей», между «данным» и «заданным» [7, с. 55]. Реальность путешествия заставляет Сумарокова проститься с прекрасным селом и продолжить путь по широкому пространству пустынной степи, «где никакого селения не находится». Преодолевается граница меж созданным человеком оазисом и «глухой и необитаемой», «пустой степью», и это сопровождается психологической угнетенностью, страстной потребностью приблизиться к новому оазису – в путешествии Сумарокова это будет Херсон. Так категория пространства «как величина динамичная» обогащает «психологический контекст» [8, с. 155].

Особенность психологического восприятия увиденного Сумароковым объясняется его верой в «чудотворные преобразования», на которые способен человек, как, например, при строительстве Херсона: «Множество полков, определенных к производству в нем построений, притом великое казны иждивение, в нескольких миллионах состоящее, претворили пустую степь в течение малого времени в знаменитый город, который подал о себе великую надежду» [17, с. 58]. По отношению к состоянию развивающей здесь, как и в Николаеве, промышленности Сумароков неоднократно использует выражение «цветущее», хотя речь идет вовсе не о растениях: «Торговля явилась в цветущем состоянии; учредились конторы, и флаг

российский развевался даже у марсельских берегов» [17, с. 58]. Как патриот, радующийся успехам государства, он именно так воспринимает свершившиеся в степи преобразования и, отметим, подчеркивает их эстетическую привлекательность: «Крепость с хорошим земляным укреплением», Соборная церковь, огромный арсенал, дом комендантский, казармы, «бывшие монетный, литейный для пушек дворы и многое другое»: «Все сии строения великолепны, имеют хорошие фасады, и могли бы в самой столице служить украшением» [17, с. 59]. И все это при том, что «окружающие Херсон со всех сторон пространные степи суть причиною затруднений, также невыгодностей в получении здесь леса» и прочих, необходимых для строительства и жизни товаров. Именно поэтому растущая Одесса все более соперничала с Херсоном.

Сумароков, однако, понимает, что не везде возможно поддерживать трудоемкое и дорогое «цветущее состояние», хоть и страстно хочется ему, сентименталисту, видеть мир совершенным, гармоничным. Честность путевого описания заставляет его рассказать о находящемся в упадке Бериславле, имеющем, между тем, «изрядное местоположение»: «Нет ни одного порядочного дома, и оный, будучи составлен из лачужек, более походит на необширную деревню» [17, с. 61].) Да и дорога от Бериславля «идет тут глухой степью, и на ней, кроме выкопанных на почтах для жительства ямщикам землянок, никакого селения не находится» [17, с. 61]. Так чередой «оазисов» сменяется «пустынными пейзажами»: «По вступлении в Перекоп первый взгляду <...> явился форштат, состоящий из 11 обывательских мазанок, притом двух или трех казенных домиков» [17, с. 69], «Положение его есть на степной равнине весьма скучное, и в нем нет не только реки, даже и ручейка; <...> там три только небольшие домика, огражденные пространной степью, в числе коих было также и жительство господина коменданта!» [17, с. 69-70]. «Маленький домик его походил на пустыню, где перед окнами оногo простиралась беспредельная степь, и необитаемость с безмолвием повсюду царствовали» [17, с. 72].

От Перекопа вглубь полуострова «идет глухая степь, на плоскости которой не приметно никаких возвышений и не видно нигде селений»: «Скучное это по таким местам единообразие и пустота, где тщетно зрение стремится открыть какие-либо предметы и теряется лишь по бесконечной поверхности, продолжалось более ста верст» [17, с. 73]. Первое место в Крыму, которое начинает напоминать путешественнику «оазис», становится Симферополь, который «находится от Перекопа в 134 верстах на веселой равнине, обставленной со всех сторон грядями гор. Речка Салгир, как чистый большой родник, течет по камням подле города во всю его длину, где по другую сторону соединение плодovitых садов, подобно густому лесу, украшает весь тот берег, и делает тут местоположение весьма приятным. Гора Чатырдаг, сей величественный колосс, отстоящая отсюда верстах в 20, господствует над городом» [17, с. 73–74]. Отметим, что, в отличие от прежде описанных городов, Симферополь привлекает Сумарокова не столько конструктивным вмешательством человека в природу, ее искусственным преображением, сколько первозданностью природы.

С этого момента Сумароков начинает сознавать, что Крым – благодатное по природным достоинствам место. Книги и устные рассказы бывавших в Крыму людей

в какой-то мере уже подготовили его к восприятию природных богатств Крыма: «Любопытство мое заготовляло мне сведения на предстоящие мне места. Мне сказывали о беспокойствах, какие я претерпеть должен, о страшных по приморским местам тропинках, по которым более 200 верст не иначе, как верхом проезжать надлежит, и об удивительных, равно достопамятных вещах, кои я там увижу» [17, с. 75]. Все трудности, о которых, как пишет П. И. Сумароков, его «предуведомили» [17, с. 98], искупались незабываемыми впечатлениями. Но обратим внимание на два эпизода, которые «вписывают» эти крымские впечатления в сентиментальную концепцию миропонимания.

Уже в Симферополе, как мы отметили, лирический герой путешествия смещает свой интерес с преобразовательной деятельности человека, на феноменальное богатство природы, и это настраивает его на размышления о ее величии: «О природа! <...> Ты, рассыпая по вселенной свои богатства, велишь в одном краю пренебрегать тем, что за великую редкость поставляют в другом. Бесчисленные в игре оттенки повсюду различают твои произведения! Тут ты воздымаешь величественные кипарисы и лавровые деревья, а в той стороне и простых дубьев не даешь. Там на испещренных розами и нарциссами долинах тихие зефиры разносят по воздуху ароматы и нежат царствующую любовь <...>! Ты мать в одних местах, но мачеха в других [17, с. 47]. Этот мысленный уход от восхищения рукотворными «оазисами» в сферу постижения природных закономерностей симптоматичен – он возвращает героя к исконным представлениям о «пасторальном оазисе»: этот оазис там, где сама природа проявляет себя не мачехой, а матерью, и это место, судя по впечатлениям Сумарокова, следует искать в Крыму.

Ожидания не обманули его. Он отправляется в путешествие вдоль побережья и 11 июня оказывается в селении Кучук-Узень (ныне с. Малореченское к востоку от Алушты). Этот уголок изолирован горами от остального мира, и здесь мирно обитает «отставной штаб-лекарь грек», который оказывает путнику простой, но радушный прием. Далее следует описание местной жизни: хозяин занят сельским хозяйством на лоне природы, он обрабатывает коконы тутового шелкопряда и растит сад, ловит рыбу и собирает моллюсков на морском берегу, и, судя по всему, испытывает чувство умиротворения, невзирая на «дикость сих мест» [17, с. 91]. Автор признается, что все увиденное «посеяло в мыслях» его рассуждения, которые мы решаемся привести полностью: «Почто <...> прилепляемся мы к сему суетному и праздному миру, где нет ни дружбы, ни родства, <...> где роскошь, богатство, наглость и игра составляют все достоинства <...>? Не нашел ли бы человек в сем Эдемском краю прямых услаждений своей жизни? Небольшой его домик, построенный на морском берегу в тени зеленеющих тополей и кипарисов, имел бы вместо пышных убранств спокойствие главным украшением. Появление дневного светила и глас пастушей свирели, сопровождающей стада на пастбища, возбуждали бы его от безмятежного сна, и тысяча различных предметов призывали бы его восхищаться ими. Он видел бы нивы, обещающие богатую жатву, деревья, обремененные плодами; все дышало бы вокруг его изобилием, весельем и свободой. Книги и милый сердцу человек разделяли бы его уединение, и он, огражденный от света, им оставленного, неприступными горами, куда бы ядовитые оного стрелы достигать не могли, обрел

бы здесь следы златого века, и все часы его текли бы в непрерывных удовольствиях» [17, с. 93]. Мы потому позволили себе столь обширную цитату, что она заключает в себе идеологическую основу всех дальнейших крымских впечатлений П. И. Сумарокова: в этом «Эдемском краю» в поле его зрения попадает прежде всего красота, нетронутость и величие (пускай порою пугающее) крымских ландшафтов. С. О. Курьянов и Я. В. Рыжман убедительно показывают, что «рождается это ощущение райского края» вовсе не случайно, «что сама реальность вызывает восхищение и поклонение» [17, с. 218]. И описания Сумарокова убеждали читателя, что весь полуостров представляет собой «пасторальный оазис», не созданный воображением автора, но сотворенный самою природой, будто нарочно для идиллического существования здесь человека, склонного к простым и естественным радостям бытия, поэтическим мечтаньям и философским размышлениям.

ВЫВОДЫ

Итак, в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» мы обнаруживаем двоякое авторское понимание феномена «оазис». С одной стороны, это место среди пустыни, облагороженное человеческим трудом, преобразованное во имя процветания прогресса и просвещения. С другой – напротив, нетронутый вмешательством человека уголок богатой природы, где человек способен осознать истинные человеческие ценности. Эти представления отражают противоречие, заключенное в самой идеологии эпохи Просвещения и отразившееся чуть позднее в «Фаусте» И. Гете. Как помним, Фауст находит смысл человеческого бытия в преобразовании действительности – в грандиозном строительстве города, символизирующем неизбежность и необходимость прогресса. И это, несомненно, продукт идеологических поисков просветительской эпохи. Однако это строительство разрушает идиллический мирок Филемона и Бавкиды, служащий прибежищем простых и естественных человеческих радостей, что также провозглашалось просветителями в качестве одной из фундаментальных ценностей. П. И. Сумароков, как видим, также чутко осознал это противоречие и попытался представить в своем путешествии вариант его разрешения. Текст Сумарокова должен был подсказывать читателю мысль о том, что человек должен активно преобразовывать реальность там, где природа в отношении него выступает в качестве «мачехи», а именно – в степях Херсона, Николаева, Перекопа. Но человек не должен нарушать замыслы природы там, где она «по-матерински» представляет ему свои богатства, позволяя вести жизнь, напоминающую «золотой век» и основанную на ценностях, запрограммированных самою же природой. В качестве такого, уникального для Российского государства уголка П. И. Сумароков изобразил Крым. Это, по нашему убеждению, во-первых, оказало влияние на позднейшие осмысления крымской темы русской литературой, а во-вторых, должно быть учтено нашей современностью при хозяйственном освоении полуострова.

Список литературы

1. Алисеенко, О. Н. О некоторых особенностях пасторальной модальности и пасторального транстекста английской литературы (к постановке проблемы) [Текст] / О. Н. Алисеенко // Web of Scholar. – 2018. – № 4. – Т. 3 (21). – Режим доступа: <http://archive.ws-conference.com/wp-content/uploads/wos0205.pdf>. – (Дата обращения: 13.04.2021).
2. Бобров, С. С. Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение [Текст] / С. С. Бобров – Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798. – 278 с.
3. Габлиц, К. И. Физическое описание Таврической области по ея местоположению и по всем трем царствам природы [Текст] / К. И. Габлиц. – СПб.: Императорская тип-я И. Вейтбрехта, 1785. – 198 с.
4. Горбунов, А. Н. Пасторальный оазис (Еще раз о пасторальных мотивах в пьесах Шекспира) [Текст] / А. Н. Горбунов // Шекспировские чтения. – М.: Наука, 1993. – С. 147–160.
5. Крючков, Ю. С. История улиц Николаева. Топонимический путеводитель по городу и окрестностям [Текст] / Ю. С. Крючков. – Николаев: Возможности Киммерии, 1997. – 149 с.
6. Курьянов, С. О., Рыжман, Я. В. Крымский миф в сентиментальных произведениях П. И. Сумарокова [Текст] / С. О. Курьянов, Я. В. Рыжман // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 30 (87). – С. 216–222.
7. Миллионщикова, Т. В. Сад и оазис в русской классике XIX – начала XX в.: восприятие российской и североамериканской славистикой. (Обзор) [Текст] / Т. В. Миллионщикова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 52–58.
8. Миллионщикова, Т. В. Граница как символическая модель в произведениях русской литературы XIX в.: восприятие литературоведением США [Текст] / Т. В. Миллионщикова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2021. – № 3. – С. 148–158.
9. Орехов, В. В. В лабиринте крымского мифа [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
10. Орехов, В. В. Миф о разрушении Херсонеса: эпизод литературного освоения Крыма [Текст] / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. – Томск, 2021. – № 15. – С. 194–213.
11. Орехова, Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Псков: ПГУ, 2015. – № 1. – С. 258–265.
12. Паллас, П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области [Текст] / П. С. Паллас. – СПб.: Императорская типография, 1795. – 72 с.
13. Потемкина, Л. Я. О системе поэтики западноевропейского пасторального романа XVI–XVII века [Текст] / Л. Я. Потемкина // Системность литературного процесса. – Днепрпетровск: ДГУ, 1987. – С. 111–118.
14. Потемкина, Л. Я., Пахсарьян, Н. Т. Осмысление «донкихотовской ситуации» в романе Ш. Сореля «Сумасбродный пастух» [Текст] / Л. Я. Потемкина, Н. Т. Пахсарьян // Сервантесовские чтения. Л.: Наука, 1985. – С. 179–189.
15. Рябчиков, В. На рубежах памяти (Незавершенная книга по истории Крыма) [Текст] / В. Рябчиков. – Симферополь: Сонат, 2003. – 248 с.
16. Соколов, М. Н. Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида [Текст] / М. Н. Соколов. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 704 с.

17. Сумароков, П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. [Текст] / П. И. Сумароков / Предисл. и комм. Т. М. Фадеевой – Симферополь: Бизнес-информ, 2012. – 208 с.
18. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка в 4-х томах [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков / Фундаментальная электронная библиотека. – 2006. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>. – (Дата обращения: 21.09.2021).

References

1. Aliseenko O. N. *O Nekotoryh Osobennostyah Pastoral'noj Modalnosti i Pastoralnogo Transteksta Anglijskoj Literatury (k Postanovke Problemy)* [On Some Features of Pastoral Modality and Pastoral Transliteration of English Literature (to the Formulation of the Problem)]. *Website of the Scientist*, 2018, vol. 4, no. 3 (21). Available at: <http://archive.ws-conference.com/wp-content/uploads/wos0205.pdf>. (accessed 13 April 2021).
2. Bobrov S. S. *Tavrida, ili Moj Letnij Den' v Tavricheskom Hersonise. Liriko-Epicheskoe Pesnotvorenje* [Tavrida, or My Summer Day in Tauride Hersonis. Lyric-Epic Song-Making]. Nikolaev: Chernomorskaya Admiraltejskaya Tipografiya Publ., 1798. 278 p.
3. Gablitz K. I. *Fizicheskoe Opisanie Tavricheskoj Oblasti po Eya Mestopolozheniyu i po Vsem Trem Carstvam Prirody* [Physical Description Taurus Region for its Location and for All Three Kingdoms of Nature]. St. Petersburg: Imperatorskaya Tipografiya I. Vejtbrekhta Publ., 1785. 198 p.
4. Gorbunov A. N. *Pastoral'nyj Oazis (Eshche Raz o Pastoralnyh Motivah v Pjesah Shekspira)* [Pastoral Oasis: (Again on Pastoral Motifs in Shakespeare's Plays)]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 147–160.
5. Kruchkov Y. S. *Istoriya Ulic Nikolaeva. Toponimicheskij Putevoditel' po Gorodu i Okrestnostyam* [The History of the Streets of Nikolaev. Toponymic Guide to the City and its Surroundings]. Nikolaev: Vozmozhnosti Kimmerii Publ., 1997. 149 p.
6. Kurjanov S. O., Ryzhman Y. V. *Krymskij Mif v Sentimental'nyh Proizvedeniyah P. I. Sumarokova* [The Crimean Myth in the Sentimental Works of P. I. Sumarokov]. *Voprosy Russkoj Literatury*, 2014, no 30 (87), pp. 216–222.
7. Millionshchikova T. V. *Sad i Oazis v Russkoj Klassike XIX – Nachala XX v.: Vospriyatie Rossijskoj i Severoamerikanskoj Slavistikoj* [The Garden and Oasis of Russian Classics of the XIX – Early XX Century: Perception of North American Slavistics and Russian]. *Socialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyj Zhurnal*, 2019, no. 4, pp. 52–58.
8. Millionshchikova T. V. *Granica kak Simvolicheskaya Model v Proizvedeniyah Russkoj Literatury XIX v.: Vospriyatie Literaturovedeniem SSHA* [The Border as a Symbolic Model in the Works of Russian Literature of the Nineteenth Century: Perception by Literary Studies of the USA]. *S Socialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyj Zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 148–158.
9. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr Publ., 2017. 579 p.
10. Orekhov V. V. *Mifo Razrushenii Hersonesa: Epizod Literaturnogo Osvoeniya Kryma* [The Myth of the Destruction of Chersonese: an Episode of the Literary Development of the Crimea]. *Imagologiya i Komparativistika*, Tomsk, 2021, no. 15, pp. 194–213.
11. Orekhova L. A. *Bahchisarajskij fontan A. S. Pushkina v Literature Puteshestvij po Krymu: Problemy Interpretacii* [The Fountain Bakhchisarai by A. S. Pushkin in the Literature of Travel in the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Socialno-Gumanitarnye nauki*. Pskov: PGU Publ., 2015, no. 1, pp. 258–265.

12. Pallas P. S. *Kratkoe Fizicheskoe I Topograficheskoe Opisanie Tavricheskoy Oblasti* [A Brief Physical and Topographic Description of the Tauride Region]. St. Petersburg: Imperatorskaya Tipografiya Publ., 1795. 72 p.
13. Potemkina L. Y. *O Sisteme Poetiki Zapadnoevropejskogo Pastoralnogo Romana XVI–XVII Veka* [About the System of Poetics of the Western European Pastoral Novel of the 16th–17th Century]. *Sistemnost' literaturnogo processa*, Dnepropetrovsk: DGU Publ., 1987, pp. 111–118.
14. Potemkina L. Y., Pakhsaryan N. T. Osmyslenie "Donkhotovskoj Situacii" v Romane Sh. Sorelya "Sumasbrodnyj Pastuh" [Comprehension of the "Quixotic Situation" in the Novel Sh. Sorel "The Madcap Shepherd"]. *Servantesovskie Chteniya*. Leningrad: Nauka Publ., 1985, pp. 179–189.
15. Ryabchikov V. *Na Rubezhah Pamyati (Nezavershennaya Kniga po Istorii Kryma)* [On the Frontiers of Memory (An Unfinished Book on the History of the Crimea)]. Simferopol: Sonat Publ., 2003. 248 p.
16. Sokolov M. N. *Princip Raya. Glavy ob Ikonologii Sada, Parka I Prekrasnogo Vida* [The Principle of Paradise. Chapters on the Iconology of the Garden, Park and Beautiful View]. Moscow: Progress–Tradiciya Publ., 2011. 704 p.
17. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po Vsemu Krymu I Bessarabii v 799 Godu* [The Journey Around the Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol: Business-Inform Publ., 2012. 208 p.
18. Ushakov D. N. *Tolkovyj Slovar Russkogo Yazyka v 4–h Tomah* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes]. *Fundamentalnaya Elektronnaya Biblioteka*, 2006. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm> (accessed: 21 September 2021).

THE CONCEPT OF OASIS IN THE "JOURNEY ACROSS THE CRIMEA AND BESSARABIA IN 1799" BY P. I. SUMAROKOV

Galushko A. D.

The analysis of the book "Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov allows us to observe the enrichment of the author's enlightenment philosophy under the influence of real facts of the rapid transformation of the South of the country at the end of the XVIII century. Cities newly equipped by G. A. Potemkin appear on the once deserted lands; recently acquired by Russia (according to the Iasi Treaty of 1791), the spaces ennobled by labor appear to the traveler as a kind of "oasis". On the other hand, in Crimea P. I. Sumarokov meets "oases created by nature itself", where nature "motherly" presents its riches to the worker, promising "in this The Eden land" of "the pleasures of life"; here the person, "shielded from the light he left behind by inaccessible mountains", finds "traces of the golden age", "continuous pleasures" of "natural" life. Thus, the philosophy of Enlightenment in Sumarokov's text is enriched with new realities of industrial creation; a paradigm of reasonable coexistence of nature and a human being, of nature and the "logical ordering" of the needs of the state, of nature and scientific progress is built.

Keywords: P. I. Sumarokov, the phenomenon of "oasis", sentimentalism, Enlightenment, the Crimea, Nikolaev, Kherson, Perekop.